

АДМИРАЛ АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ШИШКОВ

К 250-летию со дня рождения

И.В.МЕРКУЛОВ

Адмирал Александр Семенович Шишков — явление незаурядное не только среди российских моряков, но во многом уникальное в русской общественной жизни в целом. Родившись в царствование Елизаветы Петровны, он начал службу при Екатерине Великой, был приближен к себе Павлом Петровичем, а в трудные для страны времена Александра I достиг высших государственных постов. Шишков прожил долгую, наполненную событиями жизнь и скончался в глубокой старости в царствование Николая I. Моряк по мундиру, литератор по призванию и страсти¹, адмирал Шишков был человеком разносторонних интересов и дарований: опытный морской офицер и внимательный наставник юношества, историк, переводчик и писатель, чье бойкое перо не смущалось ни перед Полигимией, ни перед Каллиопой, государственный муж и публицист, наконец, ученый-языковед не по образованию, но по наитию и любви. Литературное наследие Шишкова насчитывает десятки томов его оригинальных и переводных сочинений, научных и публицистических работ, а также лишь отчасти опубликованных отрывочных мемуарных произведений и писем. Однако Шишков, прежде всего, был гражданином своего *Отечества* в самом высоком понимании этих слов, русским по сердцу и уму, душою тех общественных сил, которые стали хотя и почти бессильной, но единственной духовно-нравственной оппозицией охватившему Россию безумию космополитизма. Пронеся сквозь годы в сердце любовь к стране, его взрастившей, он служил ей честно, как мог, до последнего дня самозабвенно неся крест своего служения.

Имя Шишкова не принадлежит к числу забытых потомками. Спустя год после смерти адмирала автор небольшой биографической заметки писал о нем: «Можно сказать, что Александр Семенович известен всей России, где только читают по-русски»². По словам В.Я.Стоюнина — создателя первой развернутой биографии адмирала, его деятельность «являлась на глазах у других только моментами, отрывочно и притом в разных сферах, но всегда шумно и бурно, всегда заставляла говорить о себе»³. Внимание к Шишкову, как к фигуре яркой и незаурядной, вполне объяснимо, однако оценки его противоречивы и зачастую субъективны. Многочисленные упоминания и характеристики Шишкова заключает в себе богатое мемуарное наследие первой половины XIX столетия, дневники и переписка его современников.

В последние годы интерес к наследию Шишкова значительно возрос. Его общественная и литературная деятельность, мировоззрение, лингвистические и стилистические взгляды, за которые при жизни и много позже он подвергался насмешкам, стали объектом серьезного изучения и во многом оказались справедливыми. Однако мы обратимся преимущественно, биографии Шишкова-моряка, поскольку, как ни странно, именно она не привлекала особого внимания историков и публицистов. При этом упускалось из вида, что Шишков был одним из виднейших представителей рос-

сийского флота, хотя проявились его дарования не в баталиях — он никогда не был флотоводцем, а на ученоей стезе.

Александр Семенович родился в Москве⁴ 9 марта 1754 г.⁵ в семье, вероятно, армейского офицера посредственного состояния Семена Никифоровича Шишкова и Прасковьи Николаевны, урожденной Денисьевой. Его предки в XV веке приехали в Россию из Польши. Через свою двоюродную тетку Варвару Никитичну, бывшую замужем за генерал-инженер-поручиком И.А.Бибиковым, Шишков находился в свойстве со знаменитым екатерининским генерал-аншефом А.И.Бибиковым, приходясь ему троюродным братом. В свою очередь сестры А.И.Бибикова своими браками связали его свойством с двумя генерал-фельдмаршалами — президентом Государственной адмиралтейской коллегии (далее — ГАК) И.Л.Голенищевым-Кутузовым и светлейшим князем М.И.Голенищевым-Кутузовым-Смоленским. Племянник Шишкова был женат на дочери известного ученого, писателя и мемуариста А.Т.Болотова⁶.

О детстве Шишкова и его четырех братьев почти ничего не известно. Вероятно, оно прошло в селе Новоспасском, позднее вошедшем в Новоторжский уезд Тверского наместничества. По крайней мере, позднее, уже будучи корпусным офицером, в своем прошении об отпуске Шишков именно это село называл своим домом⁷. Впрочем, нельзя уверенно отрицать предположение А.М.Мартина о том, что семья жила в Москве и лишь на лето перебиралась в деревню⁸. На четырнадцатом году от рождения Шишков поступил в Морской кадетский корпус в Петербурге. Едва ли выбор жизненного пути согласовывался со склонностями юноши. Морской корпус, как и морская служба вообще, во второй половине XVIII столетия и много позднее не пользовался хорошей репутацией среди российского дворянства. Состоятельные родители стремились определить своих детей в Сухопутный корпус, дававший несравненно лучшее образование и большие преимущества в дальнейшем, тогда как беднейшие записывали своих детей в Морской корпус, требовавший менее расходов впоследствии⁹. Вынужденное определение в Морской корпус констатировали многие его выпускники¹⁰. Отец Шишкова был ограничен в средствах, это и стало, вероятно, решающим соображением при выборе учебного заведения для сына. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что директором корпуса был свойственник И.Л.Голенищев-Кутузов. Впоследствии Шишков никогда не чувствовал склонности к собственно морской службе, оставаясь моряком лишь по мундиру. Как бы то ни было, 17 сентября 1767 г. тринадцатилетний Александр Шишков был включен в списки корпуса, и началось его обучение¹¹. Едва ли можно сомневаться, что оторванный от родной семьи юноша не чувствовал себя уютно в совершенно непривычной для себя обстановке казенного учебного заведения. И вряд ли новые впечатления были для него отрадны. Чтобы это понять, достаточно представлять себе, в каком состоянии застал он Морской корпус. Декабрист В.И.Штейнгель, обучавшийся в корпусе несколько позднее Шишкова, замечал, что «между кадетами замечательна была вообще грубость, чувства во многих низкие и невежественные. В это время делались заговоры, чтобы побить какого-то офицера или учителя, пили вино, посыпали за ним в кабаки кадет же...». Н.А.Нордштейн вспоминал о своем воспитании в корпусе, «где не видишь никого, кроме таких же, как сам, и еще в пороках и

в невежестве; невежества туча — туча детей, достойных сожаления...»¹². Бытовые условия содержания кадет были вообще перво-бытными: диетический стол, оборванная одежда и сношенная до-нельзя обувь, выбитые зимой стекла и замеченные снегом галереи, вольно гуляющий по ним ветер, свистящий по щелям, почасту заг-лужаемый свистом розги, отсутствие всякого понятия о санита-рии — все это лишь дополняло образ Морского корпуса¹³.

Таким предстал он перед Шишковым, не видавшим вовек ино-го, кроме любви и уюта родного дома. Однако корпус не смог побо-роть в душе его ни возвышенности чувств, ни благородства помыс-лов. Он не огрубил его душу, не сделал циничным и жестокосердым. Напротив, корпус закалил его нравственно и физически, не искушив пороком. К годам корпусной жизни относится и начало дружбы с Г.Г.Кушелевым, который при Павле стал добрым гением Шишкова и во многом был виновником его стремительного возвышения. Шишков с первых дней начал усердно изучать математику, навига-цию, фортификацию и другие специальные науки, но, вероятно, более склонности он проявил к гуманитарным занятиям как в клас-сах, так и посвящая им свои досуги. Морской корпус мало мог дать познаний в словесности, истории, нравственной философии, да и в иностранных языках. Надо полагать, что молодой Шишков посту-пил в корпус уже с некоторой подготовкой, владея, по крайней мере, немецким языком и имея начальные понятия в гуманитарных на-уках. Его семья поддерживала интеллектуальные и дружеские свя-зи с известным историком А.-Л.Шлецером, состоявшим в то время при Академии наук, и его работы оказали влияние на формирование мировоззрения юного Шишкова¹⁴. Успехи его в корпусе очевидны: спустя менее двух лет после поступления он становится гардемари-ном и в том же 1769 г. — корпусным унтер-офицером в чине капра-ла. Такой чести удостаивались лишь лучшие ученики. Летом следу-ющего года Шишков сделал первую свою кампанию до Данцига под команной капитан-лейтенанта Н.Телепнева и вернулся в корпус¹⁵.

В начале марта 1771 г. капрал Шишков прибыл из отпуска в кор-пус и вскоре в числе более тридцати его воспитанников был отправ-лен сухим путем в Архангельск с тем, чтобы поступить на новопос-троенные там корабли и провести их в Кронштадт. Полвека спус-тя, тогда уже вице-адмирал Шишков на страницах «Отечественных записок» вспоминал об этом путешествии, которое чуть было не сделалось для него роковым¹⁶. В Балтийском море близ острова Борнхольма судно потерпело крушение, причем команду спасла только близость Шведских берегов. Несколько членов экипажа по-гибли, но судьба хранила молодого Шишкова. В ожидании окон-чания ремонта сильно поврежденного судна он вместе со своими товарищами находился до мая 1772 г. в Швеции. Сначала они жили в Карлсгамне, но вскоре в Петербурге было принято решение от-править молодых людей в Стокгольм для продолжения обучения. Поездка в шведскую столицу не удалась, однако в конце февраля их отправили в Карлскрону, где преподаватели местного кадетско-го корпуса взялись обучать русских юношей иностранным языкам¹⁷. Шишков учил шведский язык. Впрочем, еще до отправления в Ка-рлскрону он сделал в нем значительные успехи: смышленого капра-ла офицеры корабля часто приглашали в свое общество, когда об-щались со шведами, и он, имея несомненную склонность к язы-кам, скоро смог служить им за надежного переводчика. Однако не

только способности Шишкова послужили к успеху обучения. Здесь, если верить его словам, не обошлось без проделок Купидона. Слу-чай свел его с дочерью местной купеческой вдовы Берлингьери, которая очаровала юного Шишкова и, кажется, ответила ему вза-имностью, но поскольку она говорила лишь по-шведски — счаст-ливому влюбленному не оставалось иного, как прилежно заняться постижением этого языка, и он сильно преуспел в нем. Шведский язык стал для Шишкова пропуском в частные дома, в том числе и в дом Берлингьери, и благодаря ему он проводил время довольно весело. Если любовная линия и привнесена была Шишковым в уго-ду увлекательности сюжета, то она, во всяком случае, очень харак-терна для него. Позднее сослуживец его рассказывал, что Шишков в молодых летах влюблялся беспрестанно и страдал от любви¹⁸.

В конце июня «Вячеслав» пришел в Кронштадт, куда после по-жара в Петербурге был переведен Морской корпус. Здесь Александр выдержал экзамен на офицерский чин первым по списку и был про-изведен в мичманы со старшинством против других выпускников корпуса, экзаменованных в марте, когда «Вячеслав» был еще в Швеции¹⁹. Примечательно, что указ коллегии был подписан в чис-ле прочих будущим тестем Шишкова — капитаном генерал-май-орского ранга А.Е.Шельтингом²⁰.

Продолжительный поход и пребывание в Швеции, несомненно, расширили кругозор молодого Шишкова, доставили ему но-вые впечатления, однако превратности судьбы моряка, труды и опасность, с нею сопряженные, не могли не отвратить его еще бо-лее от выбранного ремесла, к которому он изначально едва ли чув-ствовал склонность. Тем не менее, он вышел из корпуса офицером и начал службу. Морской корпус давал очень скромное общее об-разование, но для Шишкова, испытывавшего острую необходи-мость в постоянной и напряженной работе ума, была невыносима сама мысль закоснеть в невежестве, огрубеть душою. Он продол-жал заниматься самообразованием, много читал и воспитывал в себе художественный вкус, готовясь выступить уже как автор.

Судьба благоволила к нему. Не испытывая склонности к мор-ской службе, Шишков, возможно, по собственной просьбе к Голе-нищеву-Кутузову, уже год спустя, сделав всего два коротких похо-да, был определен офицером при корпусе, что доставило ему спо-соб заниматься любимым делом. Он находился в штате до 1776 г., когда был назначен на один из кораблей, отправлявшихся в Сре-диземное море.

По условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора, зав-ершившего победоносную для России русско-турецкую войну 1768—1774 гг., российские купеческие суда получили право прохо-да через Дарданеллы. Петербург решил воспользоваться этим и провести на Черное море под видом купеческих три военных фре-гата — «Павла», «Наталию» и «Григория» — в сопровождении «Се-верного орла», на который и был определен Шишков, как хоро-ший офицер, владевший иностранными языками. Командиром эскадры был назначен капитан 2 ранга, впоследствии известный вице-адмирал Т.Г.Козлянинов. Под его непосредственное началь-ство и попал молодой Шишков. Много позднее он опубликовал свои записки об этом путешествии²¹.

Эскадра Козлянинова вышла из Кронштадта в середине июня 1776 г. и после похода в Балтике достигла Копенгагена. Сама жизнь

на море приводила Шишкова в отчаяние. Он признавался в своих письмах, что положение его «хуже и несноснее, нежели привыкшему к московским веселостям щеголю быть на целый месяц заключенному в худую и никем не обитаемую, кроме мужиков, деревню; там он, по крайней мере, в ясную погоду на мягкой траве спокойно уснуть может или какое-нибудь изобретет для себя веселое упражнение, а мне беспокойство, скука и болезнь не дают подумать об удовольствии». «...здесь я ничего не имею, — продолжал жаловаться он в другом письме, — но должен находить себя несколько месяцев заключенным на маленьком суденушке, быть на пространном море игрою сердитых ветров, не видеть ничего, кроме ярых волн и угруемых небес, трудиться непрестанно почти без отдохновения, терпеть великое беспокойство, дождь, холод, бессонницу и, напоследок, ежеминутно опасаться гибели... О, мореплавание! Ты разве можешь только понравиться людям каменным или по какой-нибудь иной побуждающей их к тому причине окаменелым!». Шишкова как моряка прекрасно характеризуют следующие его слова: «... я, побывав на море в дурную погоду и съехав потом на берег, никогда не скажу, что на море хорошо, а разве... пословицу оборочу совсем иным смыслом и скажу: «Хорошо, что меня там нет»²². Несмотря на уныние и отвращение к службе, Шишков искал и находил во время вояжа способы развлечь себя и вместе с тем расширить кругозор. Вероятно, в первое свое посещение Копенгагена, еще капитаном, он не имел случая достаточно познакомиться с датской столицей, зато теперь, спустя пять лет, такая возможность ему представилась. Помимо самого города, королевского дворца и сада Шишков побывал в кунсткамере, описание которой сделал для своего приятеля. Последнее обстоятельство, как и все последующее его путешествие, обнаружило в нем человека любознательного и разностороннего. Вместе с тем Шишков, к образу которого как самозабвенному патриоту, превозносящего Отечество свое, привыкли его младшие современники спустя полвека, и в юности уже обнаруживал свое «русское направление». Во всех его описаниях Копенгагена между строк неизменно читается патриотическая гордость: публике, наполнившей королевский сад, он отказывал в важности и блеске петербургского бомонда, в придворных и в самих чинах их не находил значительности российских вельмож, даже в женской красоте он отдавал преимущество своим соотечественницам перед датскими дамами. «Что же касается до красоты тамошних женщин, — писал он, как помним, со знанием дела, — то она или тех мест не посещала, или не хотела нам показаться»²³.

В Копенгагене эскадра оставалась недолго и вскоре отправилась в путь. После непродолжительного пребывания в Англии, воспользовавшись которым, Шишков познакомился с английским театром, не произведшим, впрочем, на него особенного впечатления, российские суда вышли в Атлантику, а затем через Гибралтар — в Средиземное море.

С Козляниным Шишков расстался по прибытии в Ливорно. Еще со времен войны в этом итальянском порту находились два фрегата — «Констанция» и «Святой Павел» — приобретенные графом А.Г.Орловым. Российская эскадра застала их не готовыми к походу, и командующий, оставив в Ливорно в ожидании фрегат «Павел», продолжил путь. Шишков попросил Козлянина перевести его на этот фрегат, поскольку решил предпринять небольшое

путешествие по Италии, к тому же жизнь на берегу предоставляла ему случай к более приятному времени препровождению, нежели очередной поход. Он вместе с другими офицерами был ласково принят местным обществом и, судя по письмам, действительно посетил некоторые итальянские города²⁴. В Ливорно Шишков нанял преподавателя итальянского языка, который ежедневно учил его по стаинным изданиям Петrarки и Тассо, строки которых покорили молодого офицера. Вскоре он так преуспел в учении, что мог уже восхищаться красотами слога Петrarки, а Тассо наполнял его душу «таким сладким восторгом и удивлением, что она от часу больше жадничала его слушать»²⁵. Сам учитель настолько увлекся беседами об этих писаниях, что вместо условленных двух часов просиживал по три или четыре сряду, а иногда, влекомый своей страстью, приходил по два раза на дню. Позднее Шишков перевел некоторые сочинения Тассо и Петrarки на русский язык²⁶.

В Ливорно он пробыл несколько месяцев, проведя время очень весело и с пользой для себя. Однако пришла пора продолжить поход к Дарданеллам. В Мессине он вновь поступил в команду Козлянина. «Северный Орел», как военный корабль, по условиям мирного договора не мог быть пропущен в Дарданеллы, и Шишков, не желавший упустить случая побывать в древней византийской столице, вновь перешел на «Павла». По причине подозрений турок, укрепляемых интригами французского двора, в Константинополе русские суда пробыли около девяти месяцев. Они так и не были пропущены в Черное море и даже чуть было не подверглись аресту со стороны турецкого правительства. Для Шишкова пребывание в Константинополе было помимо прочего омрачено сварливостью капитана Н.С.Скуратова и известием о смерти «весма близкой к сердцу.. особы». Оттого он проводил досуги преимущественно на фрегате, окружив себя книгами, однако познакомился с турецкой столицей, ее бытом и нравами, с местным обществом. Во время этого путешествия он переменил свое мнение о турках, которые после войны не могли рождать в нем иного чувства, кроме ненависти. Узнав их ближе, описывая гостеприимство, он писал: «Подобные сему поступки, признаться надобно, что упрекают меня в несправедливом о них мнении, и, кажется, ныне начинаю я лучше о них думать, нежели прежде»²⁷.

После неудачной попытки прохода в Черное море русская эскадра вернулась в Ливорно. Здесь Шишкову довелось упражняться в дипломатической казуистике: по его словам, он составлял все бумаги Козлянина, который был принужден помимо командования эскадрой входить в сношения с иностранными правительствами как для обеспечения самой экспедиции, так и по частным вопросам. Шишков помогал ему лавировать между Сциллой и Харибдой, соблюдая тем самым интересы Российской Империи. В Ливорно он оказался в затруднительном положении, не имея достаточно средств для жизни, приличествовавшей его статусу. Он уже отказался от прежде предполагаемого путешествия по Италии, но неожиданно случай доставил к тому возможность. По многочисленным свидетельствам современников, Шишков мастерски играл в карты и в молодости был сильным игроком²⁸; удачливость за зеленым столом выручила его и на этот раз. Он выиграл значительную сумму и отправился в путь: посетил Флоренцию, Рим, а затем со своим свойственником Г.И.Бибиковым побывал в Милане, Па-

дие и в Венеции, где попал на карнавал, который сравнивал с русской масленицей. Наконец, на обратном пути заехал в Пизу. Во время путешествия Шишков с интересом посещал знаменитые всему миру храмы, любовался архитектурными шедеврами эпохи Возрождения, сводил знакомства с итальянскими художниками и был вхож в светские гостиные. Многое ему нравилось, даже восхищало его, но вместе с тем не все вызывало сочувствие, казалось совершенством. Вообще он был очень трезвым в своих оценках.

Русская эскадра вернулась в Кронштадт только весной 1779 г. После непродолжительного отпуска Шишков, еще в 1777 г. произведенный в лейтенанты флота и капитан-поручики корпуса²⁹, вновь приступил к своим обязанностям. К этому времени относится начало литературной деятельности будущего президента Российской академии³⁰. Не исключено, что она помимо прочего была призвана облегчить возникшие финансовые трудности. Как бы то ни было, в это время Шишков выступает сразу с несколькими произведениями. Наибольшую известность приобрел его перевод с немецкого «Kleine Kinderbibliothek» Кампе, которую он адаптировал для русских маленьких читателей и дополнил³¹. К 1780-м годам относились и драматические опыты Шишкова. Они были связаны с его службой при корпусе, где в 1774 г. был образован любительский театр³². Для этих и придворных представлений он сочинял пьесы³³, две из которых — драмы «Невольничество» и «Благодействие приобретают сердца» — были опубликованы и дошли до нас³⁴. Поэтому здесь мы позволим себе лишь обратить внимание на одно недоразумение, укоренившееся в историографии. Стоюнин называет их переводом «какой-то французской маленькой драмы», но такое заключение лишь обнаруживает его незнакомство с произведением. Между тем, его повторил А. Бороздин, превратив «Благодействие...» в «перевод французской мелодрамы»³⁵. Однако текст их отнюдь не обнаруживает родственных связей с французским первом, напротив, он свидетельствует о своей принадлежности русскому автору³⁶. Второе произведение пера Шишкова «Невольничество» уступает в художественном отношении «Благодействию...», не имеет их остроты и злободневности, однако постановка его на сцене едва не вовлекла автора в беду. Эта драма была написана по предложению директора придворного театра В.И.Бибикова, а одну из главных ролей играл знаменитый актер И.А.Дмитриевский. Представление, приуроченное к открытию Петербургского наместничества, разыгрывалось перед высшим придворным обществом. В основу сюжета пьесы Шишков положил реальный эпизод выкупа императрицей русских невольников в Турции после войны. Она была принята публикой благосклонно и разыграна еще раз в частном театре в пользу должников, находившихся в яме. Сам наследник Павел Петрович, которого не было в Петербурге во время премьеры, прислал крупную сумму денег и приехал на представление. Однако наряду с восхвалениями щедрот и человеколюбия государыни в драме не было ни слова о нем. Натянутые отношения Павла с матерью, его ревность к блеску Екатерининской славы не составляли секрета, а потому нанести такой удар самолюбию наследника было и бесстактно, и небезопасно. Лишь перед самым поднятием занавеса Шишков и Бибиков спохватились об этом, пытались уговорить Дмитриевского добавить что-нибудь экспромтом, но было уже слишком поздно. Павел остался недоволен и надолго запомнил этот нечаянный укол

со стороны корпусного драматурга. Шишков слышал это от других и сам приметил холодность наследника во время дежурства при нем. «Сначала беспокоился я тем, — вспоминал он, — но после, по прошествии довольно долгого времени, перестал о том думать»³⁷.

Примечания

- ¹ Стурза А. «Беседа любителей русского слова» и «Арзамас» в царствование Александра I-го. И мои воспоминания // Москвитянин. 1851. Ч. VI. Кн. I. № 21. С. 8.
- ² [Голенищев-Кутузов Л.И. — ?] [Адмирал Александр Семенович Шишков] // Записки Ученого комитета Морского министерства. 1842. Ч. XVI. С. 433–434.
- ³ Стоюнин В. Александр Семенович Шишков // Стоюнин В. Исторические сочинения. СПб., 1880. Ч. I. С. 1.
- ⁴ Martin A.M. Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. Dekalb, 1997. P. 17.
- ⁵ В некоторых изданиях приводится неверная дата 16 марта: Киселев Н. [Примечания] // Шишков А.С. Записки, мнения и переписка адмирала А.С.Шишкова. 1870. Т. I. С. 1; Goetze P. von. Fürst Alexander Nikolaevich Golitzin und seine Zeit. Aus den Erlebnissen des Geheimraths Peter von Goetze. Leipzig, 1882. S. 316.
- ⁶ А.П. Шишков Николай Петрович // Русский биографический словарь. 1911. Шебанов — Шютц. С. 320–321.
- ⁷ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. I. Д. 249. Л. 95.
- ⁸ Martin A.M. Romantics, Reformers, Reactionaries... P. 17–18.
- ⁹ Чичагов П.В. Записки. М., 2002. С. 29.
- ¹⁰ [Данилов П.А.] Жизнь моя. Записки адмирала Данилова. Кронштадт, 1913. С. 28; [Нордштейн Н.А.] Выписки из памятной книжки Николая Александровича Нордштейна // Шукинский сборник. М., 1905. Вып. 4. С. 194; [Сенявин Д.Н.] Записки адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина // Морской сборник. 1913. № 7. С. 5; Штейнгель В.И. Автобиографические записки // Штейнгель В.И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. I. Записки и письма. С. 81. См. также: Козюренок К.Л. Морской шляхетный кадетский корпус во второй половине XVIII в. (По воспоминаниям его выпускников) // Феномен Петербурга: Труды Международной конференции, состоявшейся 3–5 ноября 1999 года во Всероссийском музее А. С. Пушкина. СПб., 2000. С. 364–365.
- ¹¹ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 17. Л. 1335 об.; Ф. 198. Оп. I. Д. 56. Л. 127; Ф. 432. Оп. I. Д. 216. Л. 9 об. В статье «Адмирал Александр Семенович Шишков», а также в «Общем морском списке» неверно указана дата поступления Шишкова в корпус — 1768 год. [Голенищев-Кутузов Л.И. — ?] [Адмирал Александр Семенович Шишков] С. 424; Общий морской список. СПб., 1890. Ч. V. С. 369).
- ¹² Штейнгель В.И. Автобиографические записки. С. 90; [Нордштейн Н.А.] Выписки из памятной книжки... С. 193–195; см. также: Мичман Мореходов // Головин В.М. О состоянии российского флота в 1824 году (с рукописи, найденной в неполном виде в бумагах вице-адмирала В.М.Головина). СПб., 1861. С. 53–54.
- ¹³ Отрывочные воспоминания старого моряка // Морской сборник. 1890. № 5. С. 55; Штейнгель В.И. Автобиографические записки. С. 91; См. также: Козюренок К.Л. Морской шляхетный кадетский корпус во второй половине XVIII в. С. 369–370; Меркулов И.В. Адмирал А.П.Авинов // Честь и память. Военные моряки, похороненные на Новодевичьем кладбище Санкт-Петербурга: Сборник работ выпускников Школы юных историков при Санкт-Петербургском благотворительном фонде развития детского творчества «Добрый». СПб., 2001. С. 10.
- ¹⁴ Шлецер А.-Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, им самим описанная // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1875. Т. 13. С. 101, 165; Goetze P. von. Fürst Alexander Nikolaevich Golitzin ... S. 245, 283; Neuschäffen H. Katharina II und die baltischen Provinzen. Beiträge zur baltischen Geschichte. Hannover-Döhren, [1975]. Vol. 2. S. 400–405.
- ¹⁵ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. I. Д. 216. Л. 184 об.
- ¹⁶ Шишков А.С./Разбитие русского военного корабля у берегов Швеции в 1771 году. (Отрывок из жизни N...) // Отечественные записки. 1821. Декабрь. С. 289–323; 1822. Январь. С. 35–70; Февраль. С. 174–208. Небезынтересным обстоятельством этой публикации, которые до сих пор не нашли отражения в историографии, и особенностям ее как исторического источника автором этих строк посвящены специальные работы, ожидающие выхода в свет.
- ¹⁷ См.: Меркулов И.В. Стажировка российских моряков на иностранных флотах в начале царствования Екатерины II (1762–1775 гг.) // Человек. Природа. Обще-

- ство: актуальные проблемы: Материалы 12-й международной конференции молодых ученых 27–30 декабря 2001 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 549–555.
- ¹⁸ Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 75.
- ¹⁹ Подробнее о пребывании воспитанников корпуса в Швеции см.: Меркулов И.В. Стажировка и обучение российских моряков за границей... С. 50–52.
- ²⁰ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 216. Л. 208–208 об.; Ф. 406. Оп. 7. Д. 17. Л. 1335 об.
- ²¹ Шишков А.С. Записки адмирала А.С.Шишкова, веденные им во время путешествия его из Кронштадта в Константинополь. СПб., 1834; то же // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской императорской академии президента и разных ученых обществ члена. СПб., 1839. Ч. XVII. С. 183–326; см. также: [Шишков А.С.] Русский путешественник прошлого века за границею. (Собственноручные письма А.С.Шишкова 1776 и 1777 г.) // Русская старина. 1897. Т. 90. Май. С. 409–223; Июнь. С. 619–632; Т. 91. Июль. С. 197–224.
- ²² Там же. Т. 90. Май. С. 410, 416; Т. 91. Июль. С. 212–213. Несмотря, однако, на это, Шишков всегда живо интересовался всеми обстоятельствами, относившимися до жизни флота. С.П.Жихарев писал в начале XIX столетия: «Едва ли у А.С.Шишкова еще не большие страсти к морскому делу и к своим морякам, чем к самой литературе. Он с таким горячим участием и так восторженно рассказывал о подвиге какого-то лейтенанта Скаловского, о котором писал ему вице-адмирал Сенявин, что я на него залюбовался» (Жихарев С.П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 408.).
- ²³ [Шишков А.С.] Русский путешественник прошлого века за границею. Т. 90. Май. С. 411–412.
- ²⁴ Там же. Июнь. С. 619–632.
- ²⁵ Шишков А.С. Записки адмирала А.С.Шишкова... С. 13–14.
- ²⁶ Тассо Т. 1) Освобожденный Иерусалим, поэма Торквата Тасса. Перевод с итальянского подлинника А[лександра] Ш[ишкова]. СПб., 1818–1819. Ч. I–II; 2) Освобожденный Иерусалим, Тассова поэма // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов... СПб., 1826. Ч. VIII; СПб., 1827. Ч. IX. С. 1–300; 3) Отрывок пролога из «Аминиты», сельской повести Торквата Тасса. (Вольный перевод с итальянского) // Там же. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 233–234; [Петрарка Ф.] Перевод Петрарковых сонетов // Там же. С. 206–207.
- ²⁷ [Шишков А.С.] Русский путешественник прошлого века за границею. Т. 91. Июль. С. 220.
- ²⁸ Аксаков С.Т. Воспоминания об Александре Семеновиче Шишкове // Аксаков С.Т. Собрание сочинений: В 5-ти томах. М., 1986. Т. 2. Воспоминания. Литературные и театральные воспоминания. С. 257; Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2003. Кн. I. С. 266; Пржецлавский О.А. Александр Семенович Шишков, р. 1754 † 1841 г. Воспоминания О.А.Пржецлавского // Русская старина. 1875. Т. 13. № 7. С. 387.
- ²⁹ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 17. Л. 1335 об.
- ³⁰ Обзор литературной деятельности Шишкова см.: Сухонин П. Александр Семенович Шишков в его литературной деятельности. СПб., 1851. Отд. оттиск из Журнала Министерства народного просвещения. 1851. № 1. 3.
- ³¹ Об этом см.: Чехов Н.В. Очерки истории русской детской литературы // Материалы по истории русской детской литературы (1750–1855). М., 1927. Вып. I. С. 41–43; Боленко К. Г. «Kleine Kinderbibliothek» И.Г.Кампе в переводе А.С.Шишкова // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1996. № 3. С. 57–68; Путинова Е.О. Русская поэзия детям // Русская поэзия детям. Л., 1989. С. 17, 20.
- ³² РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 104. Л. 5–16 об.
- ³³ [Данилов П.А.] Жизнь моя... С. 33–34.
- ³⁴ [Шишков А.С.] 1) Благодействие приобретают сердца: Драма в одном действии. СПб., [Б. г.]; 2) Невольничество: Драма в одном действии. Александра Шишкова [Б. м., б. г.]; Невольничество: Драма в одном действии // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов... СПб., 1828. Ч. XII. С. 1–32. Известен также его перевод трагедии «Филипп» (Филипп: Трагедия в пяти действиях знаменитого Альфери /, Там же. С. 33–121.).
- ³⁵ Стоюнин В. Исторические сочинения. Ч. I. Александр Семенович Шишков С. 31; Бороздин А. Шишков (Александр Семенович) // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1903. Т. XXXIX*. С. 611.
- ³⁶ Подробнее см.: Меркулов И. [В.] «Благодействие приобретают сердца»: драматический опыт А. С. Шишкова // Студенческое научное общество Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Материалы студенческого научного общества: Сборник научных статей студентов (по материалам научной конференции). СПб., 2002. С. 126–140.
- ³⁷ Шишков А.С. Записки адмирала А.С.Шишкова... С. 1–3; Шишков А.С. Невольничество... Предуведомление // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов. Ч. XII. С. II–III.

АДМИРАЛ АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ШИШКОВ

К 250-летию со дня рождения
(окончание)

Тем временем служба капитан-лейтенанта Шишкова в корпусе продолжалась. Ему поручили преподавать морскую эволюцию и, кроме того, командуя третьей корпусной ротой в звании капитан-поручика³⁸, а с 1784 года — капитана, он сделал в 1786 году кампанию в качестве наставника гардемаринов³⁹. Шишков усердно занимался теорией мореплавания и литературным творчеством. Это был период его духовных исканий. Известно, что он являлся подписчиком, по крайней мере, двух известных публицистических журналов — «Друга Просвещения», в издании которого участвовала княгиня Е. Р. Дашкова⁴⁰ и «Беседующего гражданина» А. Н. Радищева. О последнем стоит сказать особо, имея в виду его радикальную направленность, не свойственную Шишкову. В.П. Семенников замечал, что можно как будто уловить какие-то личные связи Шишкова с Радищевым, имея в виду, что сын последнего был позднее принят на службу в Ученый комитет при Морском департаменте, возглавляя который именно Александр Семенович⁴¹. С осторожностью относясь к предположению о столь коротком знакомстве благонамеренного Шишкова с автором оды «Вольность» и «Путешествия из Петербурга в Москву», все-таки следует признать, что он был близок к кругу масона Радищева, к так называемому «Обществу друзей словесных наук». Есть сведения, что Шишков в числе некоторых других офицеров корпуса состоял почетным членом масонской ложи Нептуна в Кронштадте⁴². Не исключено, что через нее он сошелся и с другими «братьями», в том числе и с Радищевым. Сам факт принадлежности Шишкова к ложе примечателен. Вероятно, не будучи посвященным в высокие степени, он был привлечен общими идеями масонов о нравственном совершенствовании человека, которые всегда были близки ему, но, может быть, это являлось данью моде, поскольку в среде морских офицеров было немало «братьев», в том числе и директор корпуса и свойственник Шишкова И.Л. Голенищев-Кутузов. Скорее всего, он прервал свои связи с масонами после французской революции 1789 года, в которой роль «вольных каменщиков» была очевидной. Способствовали этому и правительственные меры против масонов. Спустя годы Шишков, осознав истинную их сущность, находился уже среди самых отчаянных борцов с ложами и действовал в этом отношении решительно и твердо.

Мирные занятия Шишкова прервались с началом Русско-шведской войны 1788—1790 годов. Он не принимал участия в кампаниях 1788 и 1789 годов, но глубоко переживал за судьбы Отечества, решавшиеся его товарищами в сражениях с неприятелем. Об этом свидетельствует сочиненная им «Ода на победу, одержанную над шведским флотом под Ревелем...», в которой он прославлял русское оружие⁴³. В 1789 году он был произведен в капитаны 2 ранга и определен командиром на один из восьми

Личность в контексте эпохи

личность в контексте эпохи

И.В. МЕРКУЛОВ

© Меркулов И.В., 2005

строившихся тогда гребных фрегатов «Св. Николай»⁴⁴. С наступлением весны 1790 года в связи с возросшей угрозой Петербургу со стороны шведского флота эти фрегаты были назначены усилить Кронштадтскую эскадру вице-адмирала А.И. фон Круза, и под его началом Шишков участвовал в сражении у Красной Горки⁴⁵, но по соединении последней с Ревельской эскадрой адмирала В.Я. Чичагова они были вновь включены в состав флотилии Нассау-Зигена. Оставаясь при своем невыгодном мнении о ней, несмотря на уверения иных, что под начальством принца вернее можно было надеяться выслужиться, Шишков просил Чичагова перевести его со «Св. Николая» в корабельный флот. Однако адмирал отказал ему, оправдываясь тем, что никто из капитанов не захотел бы уступить своего судна и перейти в гребную флотилию. Как ни был расстроен Шишков, но ему не оставалась иного, как готовиться к возвращению в Кронштадт. Неожиданно Чичагов вызвал его запиской на свой корабль и сообщил, что представился случай к переводу в корабельный флот: недавно принятому на русскую службу капитану 2 ранга Марчалу высочайше было повелено дать под команду какое-либо судно — он, на беду свою, и сменил Шишкова на «Св. Николае», а последнего Чичагов оставил при себе в ожидании открытия вакансии командира на другом судне в корабельном флоте. Обрадованный Шишков сразу же перешел на адмиральский корабль, о чем после не имел случая жалеть: и Марчал, и офицер, уверявший его в преимуществах службы в галерном флоте, скоро погибли, став жертвами авантюризма Нассау-Зигена. Состоя при Чичагове, Шишков участвовал в блокаде шведского флота в Выборгском заливе, причем ему случилось стать эмиссаром командующего в одном довольно деликатном деле: когда 15 июня от шведского флота под белым флагом было отправлено судно, для воспрепятствования доступа которого до адмиральского корабля он был послан на него с предписанием узнать намерение неприятеля. Там его встретили флаг-офицер герцога Карла Зюдерманландского граф Марнер и английский волонтер Сидней Шмит, по слухам, близкий королю. Они просили пропустить через русскую линию шлюпку «с больною престарелою особою, которой нужен покой и домашний присмотр». Шишков в точности исполнил приказ Чичагова, не пропустив далее парламентеров, и по принятии на себя обязательства передать письмо герцога с просьбою по этому случаю указал им возвратиться к своему флоту. По прочтении письма у Чичагова и его офицеров возникло небезосновательное подозрение, что «престарелой особой», искавшей покоя, был сам король. По сношении с Петербургом в просьбе шведам было отказано.

Между тем блокада шведского флота явно затягивалась, и Петербург понуждал Чичагова к более решительным действиям. Российский флот готовился к атаке на суда шведов, которая откладывалась в ожидании присоединения флотилии Нассау-Зигена. Шишков доподлинно не знал, было ли намерение атаковать неприятеля с желанием Чичагова или оно стало следствием нетерпения императрицы. В этом неведении он подал командующему свои «Рассуждения о положении нашем» —

они стали первым опытом особого мнения, которыми позднее член Государственного совета Шишков, словно брандскугелями, забрасывал верховную власть, производя порой не менее жестокие пожары в высокочиновном мире, нежели на кораблях неприятеля. Шишков доказывал невыгодность для российского флота атаковать шведов по причине узости фарватера и обилия мелей, которые в свою очередь доставляли неприятелю неоспоримые преимущества перед маневрирующими русскими судами. Сомневаясь даже в успехе самого построения в линию батальи, Шишков, все-таки допуская его, замечал, что и это отнюдь не обеспечивало благоприятный исход сражения, который нельзя было предсказывать, поскольку оба флота оказались бы в равно невыгодном положении. Неудача же Чичагова в сражении открывала шведам путь на Петербург. «Опасения, здесь мною изложенные, — писал Шишков, — могут на деле оказаться больше или меньше великими, но всегда выгодными для неприятеля, поелику нападением своим на него мы исполним то, чего он желал и на чем утверждал единственную свою надежду». Вместе с тем он предлагал продолжить блокаду, принимая в рассуждение ограниченность провианта на шведских судах, которая не оставляла им иного выбора, как между капитуляцией или попыткой при первом попутном ветре прорваться через русскую линию. В последнем случае они уже сталкивались с теми трудностями, на которые был обречен Чичагов при атаке, «и уже не о битве и победе, но только о бегстве помышлять могли».

Составив бумагу, Шишков подал ее командующему с просьбой указать ему, если в ней найдется что-либо несогласное с его мнением. Два дня он оставался в неизвестности о судьбе своих «Рассуждений...» и наконец решился спросить о них адмирала. Чичагов, возвращая бумагу, прибавил: «Читал не один раз и совершенно согласен с тобою, но думаю, что мы не то будем делать». Теперь властная рука императрицы, пытавшейся руководить действиями флота из Петербурга, стала очевидной Шишкову. Однако, несмотря на это, события развивались по его сценарию. Чичагов, все еще ожидавший соединения с Нассау-Зигеном, медлил с атакой, но переменившийся ветер побудил шведов 22 июня начать прорыв, который обернулся для них катастрофой.

Шишков во время сражения находился при Чичагове и был отмечен им в донесении императрице как «примерно усердный и рачительный офицер»⁴⁶. Он был послан ко двору с официальным донесением об одержанной победе над шведским флотом. В своих записках сын командующего П.В.Чичагов говорил, что Шишков был преисполнен к нему зависти, считая его успехи по службе следствием высокого положения отца — адмирала В.Я.Чичагова, и что якобы именно он упросил последнего послать к императрице Шишкова, чтобы дезавуировать его нападки⁴⁷. Не беремся судить о достоверности этого свидетельства, имея в виду, что всю свою жизнь Шишков искал счастье не в чинах, не в орденах и не в лентах — они никогда не были для него предметом вожделения, а следовательно, и зависти, — однако, возможно, молодой и заносчивый Чичагов, только родившийся в год, когда Шишков уже поступил в корпус, но к этому времени

личность в контексте эпохи

личность в контексте эпохи

обогнавший его по негласно узаконенному непотизму чином, вызывал раздражение последнего, которое он не умел скрыть при своем прямом характере. Быть может, именно это раздражение и неприятие его личных качеств младший Чичагов принял за зависть. Как бы то ни было, Шишков был отправлен ко двору и, прибыв прямо в Царское село, где тогда находилась императрица, явился к статс-секретарю Д.П.Трощинскому, который представил его личному секретарю императрицы графу А.А.Безбородко. Однако предвкушение аудиенции было внезапно отменено. «Я удивлен был, — писал Шишков, — довольно холодным, как мне показалось приемом меня, привезшего хотя уже не новое, однако же обстоятельное известие о толь знаменитой победе...». Скоро его вывели из недоуменного состояния: за несколько часов перед приездом Шишкова до двора дошло известие о крупном поражении гребной флотилии Нассау-Зигена. Шишков не хотел верить Безбородко, но, к своему сожалению, принужден был убедиться в справедливости своего нелестного мнения о принце. Вместе с тем «опоздание приезда моего двумя или тремя часами в Царское Село, — вспоминал Шишков, — лишило меня многих выгод и того всемилостивейшего приема и беседования с императрицей, каким, конечно, без сего предварившего меня печального известия был бы я удостоен». Он так и не получил аудиенцию, но день спустя был представлен императрице при ее выходе и через Безбородко получил золотую шпагу с надписью «За храбрость» и золотую осипанную бриллиантами табакерку с 500 червонцев⁴⁸. Эта табакерка всю жизнь была хранима Шишковым, как величайшая ценность, и хотя он признавал, что она сама по себе не была слишком дорогой, но стала для него бесценной уже тем, что принял ее из рук императрицы Екатерины II, которую боготворил до конца своих дней. Незадолго до смерти он передал табакерку своей племяннице П.Д.Ушаковой (рожденной Шишковой), от которой она перешла к князю А.М.Волконскому⁴⁹. Дальнейшая ее судьба нам не известна.

После пребывания при Чичагове Шишков был переведен командиром на корабль «Ретвизан» Ревельской эскадры и продолжал службу⁵⁰. Позднее он состоял при адмирале Голенищеве-Кутузове, который употреблял его по ученой части⁵¹. Вероятно, именно тогда Шишков женился на дочери отставного контр-адмирала А.Е.Шельтинга — вдове Дарьи Алексеевне, бывшей двумя годами младше супруга. В этом он повторил судьбу многих морских офицеров, которые, проводя все время в перерывах между кампаниями преимущественно в Кронштадте и не имея общения вне круга семей сослуживцев, часто женились на дочерях своих товарищей и начальников. Дед Дарьи Алексеевны был голландцем — одним из морских офицеров, принятых на русскую службу Петром I. Он до конца жизни оставался в России, и хотя род Шельтингов к концу XVIII столетия уже вполне натурализовался, жена Шишкова была протестанткой, что позднее у многих вызывало недоумение. Они прожили вместе более тридцати лет вплоть до кончины Дарьи Алексеевны и благодаря практическости ее и уступчивости Шишкова прожили счастливо.

Летом 1796 года по соображениям не столько практическим, сколько придворным управление Черноморским флотом перешло

от вице-адмирала Н.С.Мордвинова в полновластие фаворита императрицы князя П.А.Зубова, который предложил Шишкову завидное место управляющего своей канцелярией. Удивленный таким неожиданным предложением Шишков, с готовностью согласился и в начале сентября 1796 года был переведен из Балтийского в Черноморский флот⁵², но оставался при князе в Петербурге. Здесь он вполне почувствовал всю силу «случая» Зубова и увидел сети интриг, искусно плетущиеся вице-адмиралом О.М. де-Рибасом и статс-секретарем А.М.Грибовским. Шишков был дружен с Мордвиновым; по воспоминаниям близко его знавших современников, он никого так не любил и не уважал, как Николая Семеновича⁵³, поэтому ужиться с интриговавшими против него приближенными Зубова не мог. На тонкий намек, исходивший от де-Рибаса и Грибовского, на необходимость отречься от приязни к Мордвинову Шишков отвечал, что первые его друзья всегда будут честь и правда, которым он ни для кого не изменит. После этого Зубов, казалось, отказал ему в расположении и почти совсем не занимал служебными обязанностями, так что Шишков не всегда даже ездил к нему во дворец, где, помимо прочего, всеобщее раболепство перед молодым временщиком вызывало его отвращение⁵⁴. Однако очень скоро ситуация изменилась самым неожиданным образом.

Милостивое царствование Екатерины, более тридцати лет властивавшей над Россией и имевшей достаточно ума, чтобы не обнаруживать всю силу своего самовластия, умиротворило общество; казалось, что оно не кончится никогда. Потому так поразило всех известие о неожиданном ударе, постигшем императрицу, и скорой ее кончине. На престол взошел Павел I. Глубокое эмоциональное потрясение, пережитое Шишковым в течение всего царствования Павла, нашло отражение в его записках. Д.Н.Свербеев писал, что ему никогда не встречалось такого живого и цельного описания павловского крутого времени⁵⁵. Шишков воспринял смерть Екатерины как трагедию государственную и глубоко личную. Привычный мир, казалось, навеки канул в Лету. «Российское солнце погасло!.. — писал он. — Перемена сия была так велика, что не иначе показалась мне, как бы неприятельским нашествием. Дворец наполнен был множеством разного рода людей, стоявших неподвижно, с изображенюю на лицах скорбью и беспокойством... знаменитейшие особы, первостепенные чиновники, управлявшие государственными делами, стояли как бы лишенные уже должностей своих и званий, с поникнутою головою, неприметны в толпе народной. Люди малых чинов, о которых день тому назад никто не помышлял, никто почти не знал их, — бегали, повелевали, учреждали. В один час все так переменилось, что, казалось, настал иной век, иная жизнь, иное бытие»⁵⁶. Шишков не ждал для себя ничего хорошего от нового царствования: в первые дни был отдан приказ всем офицерам явиться к своим частям, и он, никогда не отличавшийся крепким здоровьем и теперь лежавший больным, ждал со дня на день предписания отправляться на Черное море; в довершение всего ему живо вспомнилась история с «Невольничеством», которую император едва ли забыл. Мало утешило и производство в капитаны I ранга, которое

личность в контексте эпохи

личность в контексте эпохи

нельзя было расценивать как особую милость — оно выходило Шишкову по старшинству. Как бы то ни было, производство состоялось, и следовало ехать благодарить императора на вахтпараде — новом изобретении царствования. Шишков оказался в крайне затруднительном положении: ехать на парад больным, чтобы простоять на ноябрьском морозе в одном мундире в ожидании представления, было небезопасно для здоровья, но остаться дома было куда более рискованно. Он решился на первое и, приехав на вахтпарад, затерялся в толпе, не снимая шубы, чтобы при первом случае представить перед императором. Наконец, началось представление, и Шишков, протиснувшись сквозь толпу, бросился на колени перед императором со словами благодарности. Павел поднял его: «Поди, поди домой. Я знаю, что ты болен. Береги свое здоровье: ты мне надобен». Шишков был удивлен и обрадован такому с ним обращению; пугающий призрак Черноморского флота почти исчез, опала тоже не казалась теперь столь вероятной. Он понимал, что был обязан этим стараниям Кушелева, который встал при Павле во главе морского ведомства, и что при его покровительстве мог не опасаться какого-либо для себя несчастья. Тем не менее первые впечатления и суровые приметы нового царствования удручили. В этом положении Шишков начал хлопотать о двухгодичном отпуске, чтобы поправить здоровье и хотя бы на время удалиться от опасностей беспокойной службы. В своих искааниях он не встретил препятствия и уже спустя неделю после восшествия Павла на престол получил годичный, правда, отпуск с сохранением жалования и позволением ехать на лечение⁵⁷. Ехать ему было некуда, поскольку имений он уже не имел и был ограничен в средствах, и потому остался в Петербурге, заняв место стороннего наблюдателя за переменами нового времени.

Между тем положение Шишкова при дворе продолжало упорочиваться попечением близких к императору людей. «Граф Безбородко и Кушелев, доброхотствовавшие мне, — писал он, — выпросили при раздаче или, лучше сказать — при расхватке деревень и на мою долю двести пятьдесят душ, предоставляя мне, как и всем другим, выбрать их в любом месте. Дар сей тем более для меня был приятен, что доходы мои заключались в одном только весьма небольшом жаловании». В отличие от многих, Шишков, несмотря на свои стесненные финансовые обстоятельства, сам не стал ничего для себя выбирать.

Годичный отпуск был внезапно прерван уже в первых числах нового 1797 года назначением Шишкова эскадр-майором ввиду предполагаемого похода императора со флотом от Кронштадта до Ревеля⁵⁸. Сам он был нимало озадачен новым назначением, поскольку ранее должности эскадр-майора в российском флоте не существовало, и Шишков решительно не мог понять, в чем заключались его обязанности. Кушелев, за разъяснениями к которому он обратился, отвечал, что эскадр-майор — это не кто иной, как флаг-капитан, которому вменялось в должность сообщать флагами распоряжения императора по эскадре; вместе с тем он категорически отсоветовал отказываться от назначения и, несмотря на болезнь, принять его. Шишков, хотя и против желания, однако благоразумно прислушался к увещеваниям друга и принялся подготовливать суда к походу⁵⁹. Можно себе

представить, чего стоило ему это и без того нелегкое предприятие в рассуждении того, как Павел был привержен внешней исправности всего, что касалось до военной части. «Первый мой подвиг, — вспоминал Шишков, — состоял в исходатайствовании морским офицерам носить коротенькие сапожки, потому что в больших сапогах неловко бегать по кораблю и лазить по мачтам». Он, конечно, иронически называл это подвигом, но, имея в виду болезненное отношение императора к любым изменениям военной формы, не соответствовавшим его понятиям о красоте, которая вместе с прочим не мыслилась без ботфортов, надо признать, что нечто героическое в инициативе Шишкова все-таки было. Помимо разрешения вопросов материального обеспечения на эскадр-майоре лежала обязанность озабочиться командованием Кронштадтской и Ревельской эскадрами. Принять первую он предлагал адмиралу В.Я.Чичагову, но тот отказался, оправдываясь слабостью здоровья; в конце концов ее вверили адмиралам А.И. фон Крузу и П.И.Пущину, а Ревельскую эскадру — вице-адмиралу А.В.Мусину-Пушкину. Наконец все было готово к походу, и в начале июля император в сопровождении императрицы, великих князей и некоторых лиц свиты прибыл на фрегат «Эммануил», на котором был поднят штандарт. В своих записках Шишков описывал это краткое пребывание Павла при флоте и то ложное положение, в которое попали командующие эскадрами и офицеры, окружавшие государя, полагавшего себя действительным генерал-адмиралом. При всей изначальной антипатии к Павлу за время похода он лишь укрепился в ней. Несколько дней эскадра не могла выйти в море по причине противных ветров, и офицеры не знали чем себя развлечь, однако сам император изображал кипучую деятельность и требовал того же от них. Павел, считая себя командующим походом, пытался мешаться во все, но не умел этого делать по своему абсолютному незнанию морского дела и лишь приводил в отчаяние Шишкова, вынужденного передавать нелепые высочайшие приказы и навлекавшего на себя тем самым неудовольствие других капитанов, будто он сам был их автором. Спорить с Павлом было и бесполезно и опасно.

Однако насколько усиливалось нерасположение Шишкова к императору, настолько, казалось, последний более благоволил своему эскадр-майору, которого поручил заботам Марии Федоровны. Трудно было Шишкову находить себя в непривычной обстановке: он, прослужив тридцать лет во флоте, никогда так близко не стоял к верховной власти, а потому не умел соответствовать образу ловкого царедворца. Впрочем, он старался приороваться к новому своему положению, хотя, за непривычкой к лести и угодничеству, несильно преуспел в этом, и его опыты в «паркетном искусстве» закончились до конца жизни.

Поход до Ревеля так и не состоялся; по перемене 8 июля ветра флот соединился с эскадрой Мусина-Пушкина и дошел лишь до Красной Горки. За труды во время пребывания императора при флоте Шишков получил орден Св. Анны II степени и был пожалован в генерал-адъютанты, причем Павел сказал ему: «Ну! Теперь ты мой домашний — старое забыто. А прежде я на тебя был очень сердит!». Чем собственно в прошлом не угодил Шишков императору, он не знал, но мог это недовольство относить

личность в контексте эпохи

личность в контексте эпохи

лишь к своей злополучной драме, написанной семнадцать лет назад, или к деятельности во время последнего похода. Впрочем, тогда он не особенно над этим задумывался, будучи совершенно неожиданно включенным в свиту государя — получив звание генерал-адъютанта, которого А.В.Суворов, «несмотря на все свои домогательства», не мог добиться при Екатерине. Вместе с тем Шишков, еще несколько месяцев назад бывший лишь капитаном 2 ранга получил чин генерал-майора и соответствующее содержание. «...мудрено ли было мне, — вспоминал он, — мысленно летать под облаками и почитать себя великим человеком?»⁶⁰ Пришел черед его дежурства, и он явился во дворец, намереваясь всеми повелевать, помня, какую важность имела должность генерал-адъютанта в прошедшее царствование. Однако тут он в мечтаниях своих «спустился ... с высокой горы на низенький холмик». Должность генерал-адъютанта приносила при Павле мало почеста, зато в избытке доставляла случаев впасть в немилость, поэтому Шишков старался возможно менее быть на глазах у императора и, выдав себя за мореходца, даже ухитрялся избегать бессмысленных павловских военных экзерсий — тягостной повинности монаршего окружения. «Сперва, — писал позднее он, — опасался я, чтоб это не поставлено было мне в вину, но скоро успокоился... Хотя это приметным образом охлаждало его (Павла. — И.М.) ко мне, однако же о том не печалился; и даже мое желание было от него поудалиться, дабы, по крутисти нрава его, вдруг не попасть в немилость, сопровождаемую гонениями...».

Непредсказуемость гнева императора очень тревожила Шишкова, оттого он с радостью согласился на предложение Кушелева отправиться за границу с официальным поручением. Некий граф Пфафф фон Пфаффенгофен, находившийся тогда в Вене, обратился к Павлу с письмом, в котором, упоминая о своем темном родстве с российским самодержцем и их коротком знакомстве во время путешествия Павла и Марии Федоровны по Европе в 1781—1782 годах под именами графа и графини Северных, предлагал свои услуги по принятию в русскую службу голландских морских офицеров, бежавших от Наполеона за пределы своего отечества. Для сношений с ним и был отправлен Шишков, снабженный подробными инструкциями и значительными денежными средствами.

В конце 1797 года Шишков выехал из Петербурга в Вену, но по прибытии туда выяснил, что Пфаффенгофен отправился в Дрезден, но и там он не застал его, получив сведения о пребывании графа уже в Регенсбурге. Дальнейшие поиски неуловимого «родственника» императора были совершенно бессмысленны: Шишков донес об этом в Петербург и вместе с тем испросил позволение отправиться в Карлсбад на лечение. От Павла пришел положительный ответ, которым он, впрочем, не доставил радости своему генерал-адъютанту. Дело в том, что вместе с разрешением ехать на воды Шишкову предписывалось следить за проживавшими там русскими подданными, и прежде всего за изгнанными из России графом А.Г.Орловым и князем П.А.Зубовым. «Смотри брат, держи ухо востро! — писал ему в личном письме статс-секретарь М.А.Обрезков. — К тебе послано такое приказание, от которого легко можешь попасть в беду».

Сам Шишков признавался в своем двойственном чувстве при известии о возложенных на него новых обязанностях. «Сие поручение, которым я гнушался, и сии угрозы, — писал он, — производили во мне омерзение и страх». Еще в Дрездене его посетил Зубов, в котором теперь нельзя было признать бывшего всесильного временщика — смирением и даже робостью своей он, казалось, сам искал расположения Шишкова, которого едва замечал чуть более года назад. Некоторое время спустя в Лейпциге Шишков близко сошелся с Орловым, к которому без повеления императора он не осмелился бы и близко подойти. Наконец, все русское общество съехалось в Карлсбад, ставший своеобразным островом Капри павловского царствования. Если бы оно знало о миссии Шишкова, то впору было бы воскликнуть, предвосхищая бессмертного гоголевского городничего: «...к нам едет ревизор... из Петербурга... И еще с секретным предписаньем!». Впрочем, может быть, опальные вельможи и получили о том известие или, по крайней мере, догадывались, что генерал-адъютант Павла посетил их неспроста. Во всяком случае, принимали Шишкова как нельзя лучше, стараясь выказать свои верноподданнические чувства, а граф Орлов, превзойдя в том всех прочих, даже дал роскошный бал с фейерверком в день тезоименитства императора. Одним словом, Шишков с чистой совестью мог сообщить Павлу об исключительной благонамеренности подозреваемых им лиц.

За время пребывания за границей Шишков впервые познакомился с германскими землями, по своей привычке любопытствуя видеть их достопримечательности, и через Теплицы, Дрезден, Берлин и Кенигсберг вернулся в Россию, получив императорское благоволение за экономное расходование отпущеных ему при отправлении средств⁶¹.

Однако вскоре его постигла общая для приближенных Павла участь. Через несколько дней после возвращения в Петербург он был назначен на дежурство при императоре, но, не успев как следует отдохнуть с дороги, задремал на мягких дворцовых креслах. В таком положении и застал его Павел. Хотя государь и не выразил своего гнева явно, но в самое короткое время Шишков был «переименован» из генерал-адъютантов в контр-адмиралы с определением в Лесной департамент и присутствие Адмиралтейской коллегии⁶². «Без сомнения, — отмечал он, — это было знаком неблаговоления, отдалившего меня от лица его величества, и хотя, с одной стороны, меня это беспокоило, но с другой — я внутренне тому был рад». Однако исключение Шишкова из свиты не стало для него концом карьеры. Напротив, уже 5 мая 1799 года он был произведен в вице-адмиралы, а в декабре получил орден Св. Анны I степени⁶³. К тому же году относится начало официальных научных занятий Шишкова по морскому искусству.

Так уж повелось со времен Петра, что начинать царствование с заботы о флоте стало правилом хорошего тона для российских самодержцев. Павел в этом не стал исключением: назначенный еще в детстве генерал-адмиралом, то есть главноначальствующим над всем флотом, он чрезвычайно дорожил своим званием и с искренней заботой обратил внимание на усовершенствование морской части в России. Главной, пожалуй, его заслугой в этом

личность в контексте эпохи

личность в контексте эпохи

отношении следует считать фактически первые попытки теоретического освоения опыта иностранных моряков и молодого российского флота. В этом Шишков, уже известный императору своими занятиями по морскому искусству, был незаменим. Еще в бытность Павла наследником в 1793 году Шишков, по совету Кушелева, преподнес ему свой перевод сочинения Ромма «Морское искусство» (*L'Art de la marine, par Romme*), который с большими трудностями был напечатан по высочайшему указу; тогда будущий государь живо заинтересовался трудами кадетского офицера и сердечно благодарил за книгу. Правда, особенно ему понравилось, что там, то есть у императрицы, не удосужились ни наградить сочинителя за его труд, ни даже сообщить о принятии его⁶⁴. Затем в 1795 году в типографии Морского корпуса был напечатан англо-франко-русский морской словарь Шишкова⁶⁵, и ему поручили составление «Морского большого лексикона», причем предписывалось «все пособия, каковые тол[ы]ко он требовать будет по всем частям как строения, так и прочим должностям ему делать»⁶⁶. Работа была долгой и кропотливой. В царствование Екатерины за границу, преимущественно в Англию, по примеру Петра I посыпались многие морские офицеры и мастера корабельной архитектуры. При Павле эти стажировки, хотя и с большими трудностями, продолжались. Русские ученики привнесли много полезных усовершенствований в российский флот, однако необходим был критический подход к заморским «новизнам», а не безусловное их восприятие⁶⁷. Сложность возложенной на Шишкова задачи была очевидна, и составление словаря затянулось на долгие годы. Лишь спустя более тридцати лет, в 1830 году, он поднес императору Николаю I его рукопись «как последнюю дань ревностного... служения во флоте». Шишков признавался, что трудился над словарем с слишком пятнадцать лет, но и при этом не мог признавать в нем совершенства. Император принял труд почтенного адмирала с благодарностью и выразил ему свое благоволение, вместе с тем он передал его на рассмотрение Ученого комитета при Главном морском штабе, почетным членом которого автор был с осени 1827 года⁶⁸. Сам Шишков хотел, чтобы его труд, дополненный и исправленный специалистами, был опубликован и не пропал даром, но принес возможную пользу российским морякам. Поэтому он передал комитету все права как на словарь, так и на другие свои труды по морской части. Председатель комитета Л.И.Голенищев-Кутузов с похвалой отозвался о словаре, но предлагал разделить его на пять частей по отраслям знаний и дополнить в соответствии с новейшими достижениями. Печатание словаря осуществлялось Российской академией, президентом которой был Шишков, на собственный ее счет в течение восьми лет, с 1832 по 1840 год, причем в свет вышли лишь тома по кораблестроению, наукам и артиллерии⁶⁹. Словарь был разослан многим офицерам, адмиралам и генералам по флоту⁷⁰.

Однако при Павле Шишков был занят не только такими долгосрочными проектами. После похода императора с флотом до Красной Горки он составил, по совету близкого Павлу генерал-адъютанта С.И.Плещеева, журнал этой кампании⁷¹. Эта книга вместе с другими работами Шишкова, надо полагать, подала

императору мысль о необходимости употребить его на историческом поприще: 18 февраля 1799 года он был назначен историографом флота с сохранением за ним обязанностей по должности члена Адмиралтейской коллегии и с дополнительным содержанием. Указом предписывалось доставлять Шишкову все судовые журналы, экстракты из них, а также другие сведения, достойные внимания для составления по воле императора истории российского флота и для продолжения «Списка кораблям...»⁷², первая часть которого, заключавшая в себе список судов, построенных и приобретенных в царствование Петра I, была отпечатана в пользу автора в начале того же года и удостоена высочайшего благоволения⁷³. Шишков с большим прилежанием взялся за исполнение обязанностей, наложенных новой должностью, и хотя реальных плодов его исторической деятельности было немного, однако он фактически первым занялся разбором и систематизацией сохранившихся материалов архива морского ведомства⁷⁴.

Шишков также считал необходимым создать при коллегии специальный комитет, в обязанность которому вменить попечение над разработкой теории мореплавания и ознакомление офицеров с новейшими достижениями в этой области. Он подал свое предложение по данному вопросу, в котором определил основания работы комитета. Опираясь на записку Шишкова, коллегия вошла со специальным представлением к императору⁷⁵, и 25 ноября 1799 года было дано высочайшее соизволение на образование Ученого комитета. В указе, составленном по записке Шишкова, отмечалось, что «ежегодное издание собраний, касающихся до строения кораблей, разведения и соблюдения лесов и других нужных для мореплавания и кораблестроения и других мастерств материй, по существу своему есть весьма важно и полезно, ибо через такое издание и все части сих предметов усовершенствуются и замечания или изобретения не останутся забвеными, равно кораблестроители, смотрители за лесами и самыя морские офицеры приобретут многия нужные для них сведения и покажут большия успехи». В состав Комитета вошли: Шишков как председатель его – от коллегии, капитаны 1 ранга П.Я.Гамалея (был произведен три дня спустя после назначения в комитет), Е.М.Рябинин и отец будущего героя севастопольской обороны А.М.Корнилов – от флотских офицеров, а также капитан 2 ранга Г.А.Сарычев – от корабельных мастеров. Тем же указом определялся штат служителей. Но вообразованному комитету предписывалось собираться три раза в неделю с разрешением по субботам приглашать на заседания управляющего Лесным департаментом, генерал-интенданта и обер-сарваера, если в участии их в работах комитета возникнет потребность. Главной обязанностью комитета, как то явствовало из преамбулы указа, было издание специальной литературы, долженствовавшей помочь морским офицерам в исправлении службы, причем предписывалось «иметь попечение, чтобы таковых полезных сочинений, по крайней мере, издаваемо было в год по два тома», также комитет должен был «назначать разные писцы для перевода с иностранных книг или раздавать программы к решению касательно кораблестроения, нагруски, оснастки корабля, мачтмакерской и артиллерийской

личность в контексте эпохи

личность в контексте эпохи

должности, разведения и хранения лесов и о прочем»⁷⁶. Так Шишковым было положено начало систематической разработке теоретических вопросов морского искусства.

Уже в 1800 году вышли в свет первые две части журналов, содержащие сведения о плавании судов с 1797 года⁷⁷. В том же году были отпечатаны «Морские записки...», заключавшие в себе переводы и оригинальные сочинения по морской тематике⁷⁸. Это был первый в России опыт издания морского журнала, очень ранний, поскольку в то время только начали издаваться морские журналы в Англии и Франции, и, по авторитетному мнению А.П.Соколова, это был очень удачный опыт⁷⁹. Однако продолжения эти работы не получили; не составил Шишков и окончания «Списка кораблям...». Внезапная смерть императора Павла I прервала занятия комитета. Лишь спустя несколько лет, в 1805 году бывший тогда морским министром П.В.Чичагов предложил Шишкову возглавить вновь учрежденный или, точнее, распространенный по образцу прежнего комитета Ученый департамент при Адмиралтейской коллегии, на что тот охотно согласился. На первом заседании департамента Шишков прочитал специально составленную по этому случаю «Речь о искусстве мореплавания...», в которой отмечал обширность области знаний, необходимых каждому морскому офицеру в служебной деятельности, а потому видел обязанность департамента в сборе и систематизации сведений, полезных для моряков, и ознакомлении их с новейшими достижениями в этой сфере⁸⁰. При этом все-таки здесь он не играл уже столь значительной роли, как при Павле, и нам почти неизвестны работы по морской тематике, относящиеся к этому времени, кроме морского словаря, который он продолжал составлять, и предисловия к запискам о путешествиях своего племянника по жене Н.А.Хвостова и его товарища Г.И.Давыдова в Америку⁸¹. «Впоследствии знаменитый сановник и один из значительнейших деятелей в русской литературе, Александр Семенович Шишков, – писал спустя годы Соколов, – первые годы жизни посвятил исключительно морской литературе, работал страстно и деятельно и сделал очень много; вызванный потом из тесных границ специальности на поприще более обширное, под старость он снова возвратился к прежним любимым занятиям»⁸². Уже много позднее Шишков опубликовал исторический обзор действий русского флота против шведов в войну 1788–1790 годов и свои записки о плавании в Константинополь в 1776–1779 годах⁸³. Также в начале 1820-х годов он довольно активно сотрудничал с «Отечественными записками», публикуя на их страницах отрывочные воспоминания из своей морской службы и другие сюжеты из истории флота⁸⁴. По свидетельству Аксакова, важность ученых заслуг Шишкова по морской части признавалась всеми современниками, и даже недоброжелатели отдавали ему в этом случае полную справедливость⁸⁵.

В царствование Павла деятельность Шишкова по комитету не освобождала его от оставшихся за ним обязанностей в коллегии. Более того, последние со временем лишь увеличивались. Еще осенью 1797 года он был назначен в комиссию по разбору счетов бывшей в Архипелаге эскадры⁸⁶, а в начале ноября 1800 года ему было повелено приходить к императору с докладами вместо

заболевшего Кушелева ежедневно в шесть часов утра. Таким образом, Шишков стал первоприсутствующим членом коллегии. В начале декабря по интригам де-Рибаса он передал ему эту обязанность: с высочайшим повелением замещать докладчика в случае болезни⁸⁷, чему Шишков, «освободившись... от тяжелого бремени», был нескованно рад. Когда же ловкий де-Рибас действительно заболел и Шишков явился к императору, он почувствовал, что прежний докладчик, до того не пользовавшийся расположением императора, с пользой для себя употребил представившуюся ему возможность и настроил Павла не только против него самого, но даже против Кушелева. При докладах император стал крайне раздражителен, мелочно придиричив и неоснователен в своих решениях. Шишков еще о первых докладах вспоминал, что «отсутствие здравого рассудка и спрavedливости в гневных порывах Павловых нередко из уст его исторгалось и даже в отдаваемых им приказах передавалось по томству»; теперь же это проявлялось все более и более ощутимо. Каждый доклад был для него сущей мукой, поскольку поутру собираясь к государю, он не мог твердо ручаться за то, где окажется вечером — дома, в крепости или на пути в Сибирь. В начале 1801 года, когда умер де-Рибас и наконец выздоровел Кушелев, Шишков поспешил сдать ему дела, чтобы хоть немного отдохнуть от волнений и страха⁸⁸.

Кратковременное царствование Павла I оставило леденящие воспоминания в коллективном сознании русского общества: мотивация поступков императора была мало кому понятна, и немногие брали на себя труд заниматься отвлеченными рассуждениями о причинах столь разительной перемены облика верховной власти, но вместе с тем ощущение полной незащищенности от произвола и отсутствие уверенности в ближайшем будущем погрузили всех в страх, уныние и неврастению. Шишков, волею случая, оказавшись приближенным к императору, ощущал себя будто вблизи кипящего котла, готового всякую минуту взорваться и погубить его. В записках он с откровенностью вспоминал о своих первых ощущениях по оглашении известия о смерти монарха: «...признаюсь, — писал Шишков, — что хотя, с одной стороны, благодарность за благодеяния его ко мне и рождала в сердце моем печаль и сожаление, но, с другой — освобождение от беспрестанного страха, в каком я и почти всякий находился, смешивало печаль сию с некоторою невольною радостью». И еще он искренно благодарил Бога за то, что, обращаясь в среде заговорщиков, не был посвящен в их замыслы и, сохранив чистую совесть и верность присяге, избежал необходимости выбора между сопряженным с доносом исполнением долга и, пускай молчаливым, но все-таки пособничеством цареубийцам⁸⁹.

Наступил новый век, а с ним и новое царствование. После сурьих лет правления Павла, по свидетельству современника, «все чувствовали какой-то нравственный простор, взгляды следились у всех благосклоннее, поступь смелее, дыхание свободнее»⁹⁰, общество жило в ожидании перемен, успокоенное манифестом, поднесенным Д.П.Трощинским, с программным

личность
в контексте эпохи

личность
в контексте эпохи

обещанием молодого императора Александра I царствовать по заветам его бабки — Екатерины Великой. «Всех умы и сердца успокоились, — вспоминал Шишков. — Самый поворот от холодной зимы к ясным и теплым дням весны, казалось, предвещал с уничтожением худо введенных новизн оборот на старый, благотворный образ правления»⁹¹. В этом упоминании он в числе многих «с надеждою в груди, с веселием в очах» сочинил стихи на восшествие на престол Александра I⁹². Однако Шишков очень скоро понял, что обманулся в своих ожиданиях. Язвительный Ф.Ф.Вигель замечал, что «венчанный юноша уже хладел в пламенных объятиях России, уже неверные взоры его с любовью обращались к Западу; а ее восторги не истощились»⁹³. Шишков с досадой видел, что царствование Павла, хотя и не с такою строгостью, но с подобными же подражаниями иностранцам и нововведениями еще продолжалось. Вместе с тем трон окружили совершенно чужды ему по духу люди. «Молодые наперсники Александровы, — вспоминал он, — напыщенные самолюбием, не имея ни опыта, ни познаний, стали все прежние в России постановления, законы и обряды порицать, называть устарелыми, невежественными. Имена вольности и равенства, приемлемые в превратном и уродливом смысле, начали твердиться перед молодым царем»⁹⁴. Взгляд Шишкова на окружение императора разделял близкий ему Г.Р.Державин и многие другие⁹⁵.

Вместе с тем и сам Александр начал тяготиться наследием «времен очаковских и покоренья Крыма». Сошли со сцены почти все сановники прежних царствований, а те, которые еще оставались, под благовидными предлогами были отставлены на политическую авансцену и «должны были умолкнуть и уступить новому образу мыслей, новым понятиям, возникшим, — как считал Шишков, — из хаоса чудовищной французской революции». Они, пирующие в радости о низвержении тиранства и притом не имевшие должного между собой единодушия, не смогли сплотиться вокруг молодого государя с тем, чтобы направлять его действия, и очень скоро «увидели в нем повелителя, не требовавшего более их руководства»⁹⁶. Оставил службу граф Кушелев после краткого, «как мимолетное виденье», министерства Н.С.Мордвинова, с которым Шишков был очень дружен, во главе флота встал сын знаменитого екатерининского адмирала П.В.Чичагов. Для Шишкова это явилось очередным признаком сгущающихся над его головой туч. Он был знаком с новым министром еще со времен русско-шведской войны, когда оба они состояли при адмирале В.Я.Чичагове, и с тех же пор в них жила взаимная ненависть. Чичагов считал Шишкова низким, завистливым карьеристом, заискивавшим перед Павлом и настраивавшим его против матери, виновником своей опалы во время последнего царствования, которую он якобы инспирировал вместе с Кушелевым, а впоследствии обвинял даже в совместных интригах с князем М.И.Кутузовым, приведшим-де к позорным результатам командования им, Чичаговым, Дунайской армией в 1812 году⁹⁷. Обвинения эти, конечно, были абсурдными, но Шишков действительно не любил Чичагова, видя в нем человека «...нравом и свойствами весьма с отцом своим различным, надменным мнимыми своими

достоинствами, дерзким на язык и ненавидевшим Отечество свое – Россию»⁹⁸. Если Чичагов был одинок в своих оценках, то во взгляде на него Шишков сходился с другими современниками⁹⁹. Как бы то ни было, признаки приближавшейся опалы становились для Шишкова все очевиднее. По смерти Павла он оставался при дворе на прежних основаниях и даже ездил в Москву на коронацию с обязанностями докладчика вместо заболевшего Мордвинова. В письме к последнему опальный Кушелев дипломатично сообщал, что не мог более «иметь во дворце дела по случаю переезда... оттуда», а потому сдал их Шишкову¹⁰⁰. Однако со временем Александр Семенович стал ощущать холодность к себе со стороны Александра I. Вместе с тем он не искал средств ко спасению, не заискивал перед новым двором, а, напротив, продолжал придерживаться подчеркнуто независимой линии поведения. Дворцовый паркет оказался слишком скользким для Шишкова, он никогда так и не научился искусству ступать по нему. «С того времени, – вспоминал он, – отстал я от двора, уклонился от всех его козней; не видался больше ни с Чичаговым, ни с кем из окружающих государя и предался любимым моим упражнениям в словесности и науках»¹⁰¹.

Однако это было не совсем так. Шишков не ушел в отставку и потому продолжал нести службу, которая, впрочем, не требовала от него ни больших усилий, ни времени. Еще осенью 1802 года он был перемещен из флотского списка в адмиралтейский, что фактически означало конец собственно морской карьеры¹⁰². В следующем году Лесной департамент планировал отправить на места чиновников для отделения корабельных лесов от крестьянских. Министр финансов граф А.И.Васильев считал необходимым присутствие в заседаниях департамента по этому вопросу наряду с прочими и члена Адмиралтейской коллегии. По представлению последней, император утвердил кандидатуру Шишкова¹⁰³. Позднее он инспектировал знаменитый шлюп «Диану» капитан-лейтенанта В.М.Головнина после его возвращения с Камчатки на предмет способности его ко второй экспедиции¹⁰⁴.

Все новые и новые проявления холода императора по отношению к нему давали Шишкову основание предполагать в государе недовольство на его счет, однако как ни скептически смотрел он на свое положение при дворе, но не мог и представить, до какой степени Александр был предубежден против него. Когда в 1810 году был образован Государственный совет, Мордвинов, ставший вместе с генерал-аншефом М.М.Фило-софовым первым членом его, хотел просить государя о назначении и Шишкова, но последний наотрез отказался. Философ также в недоумении, что Шишков не был введен в совет, напрямую обратился к императору, на что тот отвечал, что лучше согласится не царствовать, чем внести его в списки. «Сие приключение, – вспоминал Шишков, – открывшее мне свыше всякого воображения моего гнев на меня государя, крепко меня потревожило; но, наконец, чувствуя себя невинным, я успокоился и перестал о том думать»¹⁰⁵. «Быв по некоторому неблагорасположению ко мне людей новейшего образа мыслей обнесен государю и отставлен от него на немалое время... без всякого внимания, – писал он в другом месте, – не прочил себя никогда в государственные люди, не искал ни связей, ни почестей, ни должностей... занимаясь одною только словесностью»¹⁰⁶.

личность в контексте эпохи

личность в контексте эпохи

«Was man in der Jugend wünscht, hat man im Alter die Fülle»¹⁰⁷, – писал И.-В.Гете. Освободившись от обязанностей придворной жизни и не будучи особенно занятым службой, Шишков вполне оправдал эти слова. Еще в молодости он ощущал непреодолимую тягу к занятиям словесностью, но служебные заботы оставляли мало времени для этих упражнений, теперь же седой вице-адмирал с упоением посвящал свои досуги любимому делу. Именно с этого времени и до Отечественной войны 1812 года Шишков формулирует свое мировоззрение как общественный деятель. Средством к тому он избрал филологические занятия, выходя далеко за рамки строго научных изысканий и распространяя свои суждения о словесности на современное ему российское общество в целом. Будучи одним из создателей «Беседы любителей русского слова» и президентом Российской академии, почтенный адмирал стал душою течения архаистов в русской литературе. В будущем еще была широкая известность Шишкова как литератора, общественного и государственного деятеля. В канун наполеоновского нашествия, несмотря на всю нелюбовь к нему государя, он будет назначен государственным секретарем вместо опального М. М. Сперанского и своими пла-менными манифестами станет, по выражению Аксакова, «двигать духом России». Кроме того, именно перу Шишкова принадлежало известное письмо, подписанное им, Аракчеевым и Балашовым, с просьбой к императору оставить армию после вступления Наполеона в пределы империи. Уже после Александр I введет Шишкова в Государственный совет, а в 1824 году назначит министром просвещения после одиозного князя А.Н.Голицына.

Шишков прожил долгую жизнь. В конце 1840 года Аксаков в последний раз видел его. «Это был уже труп человеческий, недвижимый и безгласный, – писал он. – Только близко наклонясь к нему, можно было заметить, что слабое дыхание еще не прекращалось»¹⁰⁸. Весенним днем 9 апреля 1841 года адмирал Александр Семенович Шишков скончался. Он был похоронен в Лазаревской церкви Александро-Невской лавры...

Примечание

⁹⁸ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 262. Л. 1.

⁹⁹ Материалы для истории Русского флота. СПб., 1890. Ч. XIII. С. 169.

¹⁰⁰ Шишков А.С. Разные записки... // ОР РНБ. Д. 3. Л. 7 об.–8.

¹⁰¹ Семеников В.П. Литературно-общественный круг Радищева // А.Н.Радищев: Материалы и исследования. М.; Л., 1936.

¹⁰² Соколовская Т.О. О масонстве в прежнем русском флоте // Море. 1907. №. 8. С. 239–242.

¹⁰³ Шишков А.С. Ода на победу, одержанную над шведским флотом под Ревелем мая 2 числа 1790 года // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов... СПб., 1831. Ч. XIV. С. 155–160.

¹⁰⁴ В «Материалах...» Шишков неверно указан как командир фрегата «Владимир» (Материалы... СПб., 1893. Ч. XIV. С. 238).

¹⁰⁵ Шишков А. К издателю «Отечественных записок» // Отечественные записки. 1820. Ч. IV. № 7. С. 73–80.

¹⁰⁶ Материалы... Ч. XIV. С. 169.

¹⁰⁷ Чичагов Л. Чичаговы // Архив адмирала П.В.Чичагова. СПб., 1885. Вып. I. С. 14–15. – Необходимо иметь в виду, что оценки Чичагова в отношении Шишкова дошли до нас лишь в цитатах и пристрастном пересказе его родственника и издателя Л.Чичагова, и уже поэтому безусловно полагаться на них нельзя, хотя по всему видно, что он в своей ненависти много более необъективен, нежели Шишков.

- ⁴⁸ /Шишков А.С./ Военные действия российского флота против шведского в 1788, 89 и 90 годах, почерпнутые из дневных записок и донесений главноначальствовавшего над оным адмирала Чичагова. — Издал с примечаниями своими А.Ш. СПб., 1826. С. 169—171, 195—198, 209—211, 241, 247—251. Отчеканенный в 1701 году русский червонец был номинальной стоимостью равен трем рублям.
- ⁴⁹ РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1888. Л. 1—2.
- ⁵⁰ Материалы... Ч. XIV. С. 343.
- ⁵¹ /Голенищев-Кутузов Л.И. — ?/ [Адмирал Александр Семенович Шишков]. С. 426—427.
- ⁵² РГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 58. Л. 280.
- ⁵³ Аксаков С.Т. Воспоминания об Александре Семеновиче Шишкове. С. 264.
- ⁵⁴ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. I. С. 7—8.
- ⁵⁵ Свербеев Д.Н. Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1729—1726). М., 1899. Т. I. С. 509.
- ⁵⁶ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. I. С. 9—10.
- ⁵⁷ РГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 59. Л. 11—11 об.
- ⁵⁸ Там же. Ф. 212. Канц. II. отд. Д. 616. Л. 1—1 об.; Ф. 227. Оп. 1. Д. 60. Л. 23.
- ⁵⁹ Материалы... СПб., 1902. Ч. XVI. С. 85.
- ⁶⁰ РГАВМФ. Ф. 212. Канц. II отд. Д. 222. Л. 134—134 об; Ф. 227. Оп. 1. Д. 62. Л. 286 об.; Д. 64. Л. 12; Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. I. С. 26—36.
- ⁶¹ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. I. С. 43—61.
- ⁶² РГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 67. Л. 222.
- ⁶³ Там же. Ф. 212. Канц. II отд. Д. 65. Номер листа обрезан; Ф. 227. Оп. 1. Д. 70. Л. 38—38 об.
- ⁶⁴ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. I. С. 3—4.
- ⁶⁵ Трехязычный морской словарь на английском, французском и российском языках: В трех частях. Собрал и объяснил флота капитан Александр Шишков. [СПб.], 1795.
- ⁶⁶ РГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 58. Л. 11—11 об.
- ⁶⁷ Подробнее о практике стажировок в царствование Екатерины II см.: Кросс Э.Г. У темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996. С. 178—196; Меркулов И.В. Стажировка и обучение российских моряков за границей...
- ⁶⁸ РГАВМФ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 9. Л. 1—1 об.
- ⁶⁹ Шишков А.С. 1) Морской словарь, содержащий объяснение всех названий, употребляемых в морском искусстве. Сочинил адмирал А.С.Шишков. Дополнен и издан Ученым комитетом Главного морского штаба Его Императорского Величества. Словарь по кораблестроению. СПб., 1832; 2) Морской словарь, содержащий объяснение всех названий, употребляемых в морском искусстве. Сочинил адмирал А.С.Шишков. Дополнен и издан Ученым комитетом Главного морского штаба Его Императорского Величества. Словарь по наукам, до мореплавания относящимся. СПб., 1835; 3) Морской словарь, содержащий объяснение всех названий, употребляемых в морском искусстве. Сочинил адмирал А.С.Шишков. Дополнен и издан Ученым комитетом Главного морского штаба Его Императорского Величества. Словарь по артиллерии. СПб., 1840.
- ⁷⁰ РГАВМФ. Ф. 162. Оп. 1. Д. 41—43; Ф. 205. Оп. 1. Д. 484.
- ⁷¹ /Шишков А.С./ Журнал кампании 1797 года во время Высочайшего присутствия и командования флотом Государя Императора и Самодержца Всероссийского Павла Петровича, веденный на фрегате «Эммануил» Его Императорского Величества эскадр-майором и потом генерал-адъютантом Александром Шишковым СПб., 1797.
- ⁷² Шишков А.С. Список кораблям и прочим судам всего российского флота от начала заведения оного до нынешних времен, с историческими вообще о действиях флотов и о каждом судне примечаниями. Собрал из достоверных записок и журналов контр-адмирал Александр Шишков. СПб., 1799. Ч. I.
- ⁷³ РГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 69. Л. 139—139 об.; Ф. 212. Канц. II отд. Д. 618. Л. 17—21.
- ⁷⁴ Подробнее см.: Меркулов И.В. Историограф Российской флота адмирал А.С.Шишков. 0,5 п. л. (Готовится к публикации)
- ⁷⁵ Материалы... СПб., 1865. Ч. XVI. С. 475—476.
- ⁷⁶ РГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 71. Л. 246—247.
- ⁷⁷ Собрание морских журналов или ежедневных записок, содержащих в себе плавания флотов, эскадр и судов российских, начиная с 1797 года, то есть со временем вступления на престол Его Императорского Величества государя императора Павла Петровича, издаваемое по Высочайшему повелению попечением и трудами вице-адмирала, Государственной адмиралтейской коллегии

ЛИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

ЛИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

члена, историографа по флоту и начальствующего в учрежденном при сей коллегии Комитете Александра Шишкова. СПб., 1800. Ч. I—II. Книга была отпечатана в типографии Морского корпуса тиражом в 800 экземпляров за 544 рубля 75 копеек на счет сверхштатных расходов. Летом 1801 года Шишков поднес ее уже новому государю; вместе с доношением по этому случаю от третьего лица излагалась и его просьба об обращении столовых денег, которые он получал по званию генерал-адъютанта (по 9 рублей на день), в пенсию. Отмечалось, что после определения Шишкова из свиты в присутствие коллегии он не получал этих денег даже тогда, когда по болезни Кушелева был вновь причислен к свите. Прошение Александром было удовлетворено (РГАВМФ. Ф. 212. Канц. II отд. Д. 30, 31; Ф. 198. Оп. 1. Д. 56. Л. 127—128 об.).

⁷⁸ /Шишков А.С./ Морские записки, или собрание всякого рода касающихся вообще до мореплавания сочинений и переводов, издаваемых учрежденным при Государственной адмиралтейской коллегии Комитетом. СПб., 1800.

⁷⁹ Соколов А.П. Русская морская библиотека 1701—1851: Ичисление и описание книг, рукописей и статей по морскому делу за 150 лет. Издание второе. С приложением: 1) портрета А.П.Соколова, 2) биографических статей, 3) списка трудов и 4) алфавитных указателей книг, рукописей и статей / Под ред. В.К.Шульца. СПб.: Тип. В.И.Грацианского, 1883. С. 36.

⁸⁰ /Шишков А.С./ 1) Речь о искусстве мореплавания, сочиненная и читанная вице-адмиралом Шишковым в первое по ученои части заседание Адмиралтейского департамента в 1805 году, августа 18 дня. [Б. м.], [Б. г.]; 2) Речь о искусстве мореплавания, сочиненная и читанная вице-адмиралом Шишковым в первое заседание по учреждении Адмиралтейского департамента. 1805 года, августа 18 дня // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов... СПб., 1825. Т. IV. С. 1—21.

⁸¹ Шишков А.С. Предуведомление от вице-адмирала Шишкова // Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. СПб., 1810.

⁸² Соколов А.П. Русская морская библиотека... С. 62.

⁸³ /Шишков А.С./ Военные действия российского флота...; Шишков А.С. Записки адмирала А.С.Шишкова...

⁸⁴ Именно в «Отечественных записках» Шишков впервые опубликовал обзор действий российского флота под командованием Чичагова. Издатель журнала П.П.Свиридин купил «Дневные записки... Чичагова» в 1822 году после смерти М.А.Антоновского и хотел напечатать, но предварительно отдал для литературной и исторической обработки «почтенному Нестору.. словесности» Шишкову, который исполнил его просьбу и сопроводил рукопись собственными комментариями на основании личных воспоминаний (Свиридин П.П.) Действия российского корабельного флота во время трех кампаний против шведского. [От издателя] // Отечественные записки. 1824. Ч. XVII. № 46. Февраль. С. 157—158; публикацию см.: Там же. С. 158—184; № 47. Март. С. 334—386; Ч. XVIII. № 48. Апрель. С. 87—126; № 49. Май. С. 206—248; № 50. Июнь. С. 432—456; Ч. XIX. № 52. Август. С. 175—199; Ч. XX. № 54. Октябрь. С. 92—104; № 55. Ноябрь. С. 245—264; № 56. Декабрь. С. 442—470; 1825. Ч. XXI. № 57. Январь. С. 49—70; Ч. XXII. № 60. Апрель. С. 25—45; Ч. XXIV. № 68. Декабрь. С. 419—441; 1826. Ч. XXV. № 69. Январь. С. 19—36; № 70. Февраль. С. 197—220). См. также: /Шишков А.С./ 1) Разбитие русского военного корабля у берегов Швеции в 1771 году...; 2) Замечания на 10-ю статью, помещенную в 4-й части (с прибавлениями) «Описания достопримечательных кораблекрушений» // Там же. 1823. Март. С. 414—444; Шишков А. Благородный вызов героя // Там же. 1823. Ч. XIV. № 36. Апрель. С. 136—138; Список авторов, участвовавших в десятилетнем издании «Отечественных записок» (окончание) // Отечественные записки. 1830. Ч. XLII. № 122. Июнь. С. 398.

⁸⁵ Аксаков С.Т. Воспоминания об Александре Семеновиче Шишкове. С. 271.

⁸⁶ РГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 63. Л. 39.

⁸⁷ Там же. Ф. 212. Канц. II отд. Д. 884. Л. 272, 292.

⁸⁸ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. I. С. 71—78.

⁸⁹ Там же. Т. I. С. 79—80.

⁹⁰ Там же. С. 78.

⁹¹ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. I. С. 81—82.

⁹² Шишков А.С. Стихи на всерадостное восшествие на престол Его императорского величества государя императора Александра Павловича. СПб., 1801; то же // Собрание сочинений и переводов... СПб., 1831 Т. XIV. С. 177.

⁹³ Вигель Ф.Ф. Записки. С. 96.

⁹⁴ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. I. С. 84—86.

- ⁹⁵ Державин Г.Р. Записки. М., 2000. С. 235, 241, 254 и др.; Вигель Ф.Ф. Записки. С. 99–106; см. также: Альтшуллер М. Предтечи славянофильства... С. 23–25.
- ⁹⁶ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. I. С. 84.
- ⁹⁷ Чичагов Л.В. Чичаговы. С. 14–15, 23–25.
- ⁹⁸ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. I. С. 66.
- ⁹⁹ См., например: Вигель Ф.Ф. Записки. С. 101–102; Державин Г.Р. Записки. С. 240; Мичман Мореходов [Головнин В.М.] О состоянии российского флота в 1824 году... С. 60. Вскоре после полководческого фиаско Чичагова И.А. Крылов написал направленную против него басню «Шука и кот», которая между прочим начиналась строками:

*Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник,
И дело не пойдет на лад.
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот завсегда других упрямей и вздорней:
Он лучше дело все погубит,
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета.*

Крылов И.А. Сочинения: В 2-х томах. М., 1956. Т. I. С. 74–75. Более благосклонный отзыв о Чичагове см: Греч Н.И. Записки о моей жизни. С. 320–322.

¹⁰⁰ РГАВМФ. Ф. 204. Оп. 1. Д. 105. Л. 1.

¹⁰¹ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. I. С. 93.

¹⁰² РГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 84. Л. 77–77 об.

¹⁰³ Там же. Ф. 212. Канц. II отд. Д. 896. Л. 162–164 об.; Д. 895. Л. 234–234 об.; Ф. 227. Оп. 1. Д. 146. Л. 63–63 об.

¹⁰⁴ Там же. Ф. 166. Оп. 1. Д. 910. Л. 6. Об этих экспедициях см.: Головнин В.М. 1) Путешествие российского императорского шлюпа «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота капитана (ныне капитана I ранга) Головнина в 1807, 1808 и 1809 гг. СПб., 1819. Ч. I–II; 2) Сокращенные записки флота капитан-лейтенанта (ныне капитана I ранга) Головнина о его плавании на шлюпе «Диана» для описи Курильских островов в 1811 году. СПб., 1819.

¹⁰⁵ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. I. С. 114–115;

¹⁰⁶ Там же. Т. II. С. 54.

¹⁰⁷ Чего желаешь в юности – тем изобилуешь в старости. – нем.

¹⁰⁸ Аксаков С.Т. Воспоминания об Александре Семеновиче Шишкове. С. 284.